

ПРОНДЗИНСКІЙ.

Запѣчаніа на сочиненіе Смита.

Предисловіе.

Приводимая нами статья была передана г. Смиуту министромъ Туркуломъ въ 1850 г. съ цѣлью, сдѣлать по ней нѣкоторыя исправленія, при новомъ изданіи Исторіи 1831 г. Но какъ новаго изданія не предвидилось, то Смитъ воспользовался случаемъ, опубликовать ее. Прондзинскій былъ человѣкъ высокаго ума, и конечно, какъ нравственно, такъ и физически, самая свѣтлая голова (см. ниже Мендыржець), выказавшаяся между поляками во время инсургенціонной войны 1831 года: намъ было бы весьма больно, какимъ либо образомъ оскорбить Прондзинскаго. Общественные дѣятели должны быть готовы предстать предъ общественный судъ; отъ недостаточнаго знанія всѣхъ частностей, съ точностью извѣстныхъ только самому

участнику, эти сужденія иногда не вездѣ оказываются вѣрными : поэтому, несправедливо обвиненный, долженъ имѣть право оправдать свои дѣйствія приведеніемъ этихъ частныхъ, а дорожающій истиною историкъ, никогда не откажется, если онъ ошибся, исправить свою ошибку. Поэтому то мы безъ всякаго измѣненія приводимъ замѣчанія Прондзинскаго, предоставляя читателю съ осторожностью пользоваться ими.

Ф. Смитъ.

ЗАМѢЧАНІЯ

о генералѣ Прондзинскомъ, по поводу Исторіи польскаго возстанія и войны, Фридриха Смита.

(Прондзинскаго.)

О сраженіи при Игане.

Упрекъ въ слабости, дѣлаемый Прондзинскому, по поводу сраженія при Игане, кажется весьма страннымъ. Прежде всего нужно замѣтить, что по мнѣнію главнокомандующаго, отрядъ Прондзинскаго былъ назначенъ только для побочной цѣли, и вовсе не имѣлъ назначенія вступить въ серіозную битву. Онъ долженъ былъ напасть съ тылу, на русскіе посты у Костржина, и уничтожить ихъ. Поэтому то Прондзинскій и получилъ такъ мало кавалеріи, соразмѣрно слабую артиллерію и столь незначи-

тельное число снарядовъ. Прибывъ къ Игане, онъ нашёлъ корпусъ Розена сосредоточеннымъ въ сильной позиціи и имѣющимъ значительную артиллерію. Долженъ ли былъ Прондзинскій, тотчасъ по мѣрѣ приближенія своихъ войскъ, утомленныхъ усиленнымъ маршемъ, безрасудно устремить ихъ на непріятеля? Они должны были отдохнуть, а Прондзинскій обдумалъ тѣмъ временемъ, что ему предпринять. Его рѣшеніе должно было быть обусловлено результатомъ предпринятой имъ рекогносцировки. Барзиковскій, изъ дружбы къ Прондзинскому принимавшій вмѣстѣ съ Малаховскимъ и Кожуховскимъ участіе въ экспедиціи, какъ въ прогулкѣ, нѣсколько разъ спрашивалъ его, дойдетъ ли дѣло до сраженія, на что Прондзинскій не могъ сказать ничего опредѣлительнаго. Увидѣвъ издали непріятеля, Барзиковскій просилъ настоятельно разбить его. Но послѣ перваго пушечнаго выстрѣла, гости Прондзинскаго скрылись, исключая Кожуховскаго, исполнявшаго при немъ адъютантскую должность. Барзиковскій можетъ думать, что онъ содѣйствовалъ къ рѣшенію принятому Прондзинскимъ; въ дѣйствительности же этого небыло. Въ своихъ сочиненіяхъ, Барзиковскій старается намекнуть, что онъ игралъ важную роль въ блистательномъ сраженіи. Бѣмъ былъ тогда только въ чинѣ капитана, почему голосъ его имѣлъ мало вѣсу. Храбрый и прекрасный батарейный командиръ, онъ по

обладалъ проницательностью. Онъ просилъ атаковать только изъ жажды къ битвѣ. Совершенно иное значеніе должно было имѣть мнѣніе храброго Кицкаго, бывшаго притомъ и чиномъ старше Прондзинскаго, и настаивавшаго на отступленіи. Но Прондзинскій уже рѣшился какъ дѣйствовать. Въ отвѣтъ на доводы Кицкаго, онъ поручилъ ему начать атаку. Отношенія этихъ двухъ людей отличались всегда особымъ благородствомъ. Прондзинскій былъ порицаемъ Скржинецкимъ, за то что онъ началъ сраженіе, не выждавъ прибытія двухъ другихъ колоннъ. Лично Прондзинскій не могъ досадовать, что его покинули, потому что чрезъ это увеличились его слава и значеніе сраженія. Невѣрно также, хотя оно и упоминается во многихъ сочиненіяхъ, что Прондзинскій передъ атакою сошелъ съ лошади. На своей бѣлой лошади онъ велъ 5-й полкъ до шоссе въ самый центръ непріятеля. Побѣда увлекла часть сего полка вслѣдъ за разбитымъ непріателемъ до самаго моста, но какъ въ эту минуту, еще не были приняты мѣры для настойчиваго форсированія переправы, то Прондзинскій приказалъ 5-му полку вернуться. По прибытіи, уже послѣ побѣды, войскъ Лубенскаго, можно было попытаться переправиться черезъ дефиле, и напасть на Седльце, но не смотря на настоятельныя требованія Прондзинскаго, главнокомандующій не согласился на это.

Исторія о перѣ, въ досадѣ будто бы брошенномъ. Прондзинскимъ, въ главной квартирѣ въ Трошинѣ, не болѣе какъ сказка. Такого рода горячность не была въ его характерѣ. Главнокомандующій, ни при этомъ, ни при какомъ другомъ случаѣ, не писалъ самъ приказаній. Тутъ онъ передалъ ихъ словесно, чрезъ своего адъютанта.

Сраженіе при Остроленкѣ.

Въ описаніи сраженія при Остроленкѣ г. Смитъ говоритъ между прочимъ : «даже столь внимательный во всѣхъ случаяхъ Прондзинскій отправился въ свою отдаленную квартиру, чтобы работать надъ доносомъ противъ Скржинскаго».

Весь вечеръ и до глубокой ночи 25 мая, Прондзинскій провелъ на конѣ. По мѣрѣ прибытія войскъ, онъ переводилъ ихъ черезъ мостъ и направлялъ въ опредѣленные имъ мѣста. Начальнику всей артиллеріи, полковнику Канарскому, онъ на мѣстѣ передалъ нужныя приказанія и диспозицію для расположенія батарей. Достойнаго офицера, полковника Клеменсовскаго, онъ поставилъ со всѣми саперами у мостовъ; но не съ тѣмъ чтобы уничтожить ихъ, потому что это вовсе не входило въ расчетъ Скржинскаго, хотѣвшаго, напротивъ, дать непріятелю

переправиться. Клеменсовскій получилъ приказаніе охранять мосты, и приготовить все, чтобы только въ крайнемъ случаѣ имѣть возможность сбросить доски. Въ теченіи всего этого времени главнокомандующій, прибывшій въ Остроленку въ каретѣ, спящій, оставался совершенно спокойнымъ, и вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ, генералъ-интендантомъ арміи, Бадени, беззаботно проводилъ время на почтовомъ дворѣ за шампанскимъ. Такъ какъ начальникъ штаба, Хржановскій, отправился въ Замосць, то генеральскіи Скрижинскій сообщилъ Пондзинскому только касающагося самихъ дѣйствій. Прочія дѣла по штабу, долженъ былъ исполнить помощникъ начальника главнаго штаба. Губернръ, при чемъ главнокомандующій объявилъ, что онъ самъ будетъ руководить имъ и помогать ему. Дѣла въ этой отрасли управленія было множество—приходилось не только вести трудную войну по и заниматься совершенно новыми организаціями. Въ дѣлахъ былъ совершенный застой; дисциплина упала. При главной квартирѣ находился цѣлый фургоны накопившейся корреспонденціи, ожидавшей рѣшеній, приказаній и отправокъ. 26 мая, рано утромъ, когда Пондзинскій докладывавалъ главнокомандующему, о всѣхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ наканунѣ, онъ сказалъ ему: «Мы прикрыты рѣкою и можемъ нѣкоторое время рассчитывать на покой. то сдѣлайте мнѣ одол-

женіе, окончите всѣ накопившіяся дѣла главнаго штаба; я вижу, что на Губнера нечего надѣяться. Только садитесь сейчасъ за работу, потому что тамъ много дѣла. Касательно диспозицій, которыя нужно сдѣлать сегодня, будьте совершенно покойны, я озабочусь обовсемъ, равно какъ и о корпусѣ Лубенскаго и объ оборонѣ Остроленки; а въ случаѣ, если непріятель будетъ тѣснить, я самъ буду направлять отступленіе арріергарда». Прондзинскій, имѣвшій въ виду въ скоромъ времени покинуть свой постъ, счелъ за роіні d'honneur, исполнить должнымъ образомъ желаніе главнокомандующаго, работу, вовсе не касающуюся его, и не оставить будущему начальнику штаба никакихъ старыхъ дѣлъ. Не теряя времени онъ расположился, чтобы не быть потревоженнымъ, въ отдаленномъ амбарѣ, и съ нѣсколькими офицерами принялся за работу, но не за доносъ на главнокомандующаго, какъ говоритъ г. Смитъ, о которомъ онъ и не думалъ до той минуты, пока не былъ приглашенъ въ Варшавѣ на военный совѣтъ, долженствовавшій обсудить дѣйствія полководца.

Скржинецкій принимаетъ свои мѣры. Не трогаясь изъ Крукъ, не садясь на лошадь и не осматривъ даже мѣстность, хотя пушечные выстрѣлы уже слышались въ дали, онъ посылалъ свои приказанія словесно чрезъ адъютантовъ.

При этомъ онъ все еще былъ въ нерѣшимости и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своихъ намѣреніяхъ. Пацъ не получилъ точныхъ приказаній, чрезъ что онъ остался на противоположномъ берегу гораздо долѣе, нежели было нужно, что и было причиною чувствительнаго урона, понесеннаго Поляками по ту сторону Остроленки. Это ошибочное начало битвы, имѣло огромное вліяніе (какъ то часто бываетъ) на его ходъ, и на неблагоприятные результаты. Въ то время, какъ корпусъ Лубенскаго переходилъ обратно чрезъ мосты, Скржинецкій переправилъ подъ начальствомъ адъютанта своего, гр. Тита Дзялинскаго, обреченные на смерть баталіоны 4-го полка; войска встрѣтились на мосту и конечно произошла страшная давка и безпорядокъ.

Далѣе г. Смитъ говоритъ: «Прондзинскій бродилъ какъ во снѣ и на послѣдокъ, видя подобный конецъ предложенной имъ экспедиціи и вмѣстѣ угадывая послѣдніе дни революціи, въ отчаяніи бросился на землю».

И еще далѣе:

«Ободрившійся Прондзинскій, жаждая смерти, сталъ во главѣ 5-го егерскаго полка и поддерживаемый 3-мъ уланскимъ полкомъ, повелъ его въ атаку». Здѣсь есть нѣкоторыя невѣрности.

Какъ только Прондзинскій получилъ приказаніе главнокомандующаго, собрать опрокинутый лѣвый флангъ и, во чтобы то ни стало,

удержать высоты насупротивъ моста, онъ отыскалъ въ кустарникѣ разстроенную тяжелую батарею, и взвезъ нѣсколько орудій на помянутую возвышенность, которая тотчасъ открыли огонь. Между тѣмъ, небольшая русская колонна постепенно все приближалась къ возвышенности и ея пули поражали уже прислугу при орудіяхъ. Прондзинскій хотѣлъ отбросить эту колонну. Въстѣ съ тѣмъ онъ искалъ смерти. Онъ сталъ въ челѣ 5-го егерскаго полка и, построивъ его въ колонны, повелъ противъ русскихъ. При этомъ Прондзинскій не имѣлъ кавалеріи, да еслибы было возможно, то онъ желалъ бы, чтобъ ее вовсе не было на полѣ битвы, ибо мѣстность казалась ему неудобною для ея дѣйствія, почему онъ и позволилъ разсѣдлатъ лошадей. Скржинецкій же безъ его вѣдома призвалъ кавалерію. 3-му уланскому полку было приказано атаковать, но вовсе не въ связи съ Прондзинскимъ. Случайно они столкнулись. Очутившись уже на совершенно близкомъ разстояніи отъ русскихъ, уланы не могли пробраться по болотистому углубленію, раздѣлявшему ихъ отъ непріятеля (*). Они понесли огромный уронъ отъ пѣхоты, стрѣлявшей по нимъ въ упоръ, а также отъ расположен-

(*) Наревъ, выступая изъ береговъ, оставляетъ въ этихъ углубленіяхъ воду, дѣлающую ихъ болотистыми. Пѣхота безъ затрудненія могла переходить ихъ, лошади же увязали.

ной на противоположномъ берегу артиллеріи. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, уланы въ безпорядкѣ повернули назадъ, ринулись на подходящій 5-й егерскій полкъ и разстроили его. При этомъ столкновеніи лошадей Прондзинскаго упала произшенная пулями. Нѣсколько всадниковъ перескачили черезъ Прондзинскаго и онъ получилъ сильные ушибы. Съ трудомъ выбравшись изъ этой свалки, онъ дотащился до кустарника, гдѣ наткнулся на эскадронъ Познанцевъ, и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на землю, и лежалъ до тѣхъ поръ, пока ему не привели другую лошадь (*). Его съ трудомъ посадили на нее, и онъ поѣхалъ на военный совѣтъ, созванный тѣмъ временемъ главнокомандующимъ. Прондзинскій въ своей запискѣ къ Государю не распространялся объ обстоятельствахъ, лично его касающихся. Но ненависть, которую онъ навлекъ на себя со стороны эмигрантовъ, тѣмъ, что остался въ Польшѣ, выставила это обстоятельство въ искаженномъ видѣ и передала его г. Шпациру, откуда, повидимому, почерпнулъ его и г. Смитъ (**).

(*) Это обстоятельство было причиною болѣзни Прондзинскаго по возвращеніи въ Варшаву. Почти такой же случай повторился съ Прондзинскимъ у Мендзиржеца. Въ теченія этой войны подъ нимъ было убито 4 лошади: подъ Гроховымъ картечью, подъ Остроленкою ружейными пулями и при штурмѣ Варшавы двѣ ядрами.

(**) Въ окрестностяхъ Варшавы живетъ еще очевидецъ

Въ описаніи военнаго совѣта хотя г. Смитъ и приводитъ слова Прондзинскаго, но склоняется рѣшительно въ пользу показаній, приписываемыхъ Дембинскому. Но г. Смитъ зналъ, безъ сомнѣнія, что записка Прондзинскаго была составлена вовсе не для публики, а единственно для Государя, по Его настоящему требованію. Нельзя допустить, чтобы Прондзинскій въ тогдашнемъ своемъ положеніи рѣшился бы сказать Государю малѣйшую неправду; сверхъ того, онъ долженъ былъ знать, что генераль Томашъ Лубенскій, бывшій начальникъ штаба польской арміи, находился тогда въ Петербургѣ и былъ принятъ при дворѣ, и слѣдовательно могъ сказать, на сколько достовѣрны показанія Прондзинскаго. Дембинскій же не безпристрастенъ, какъ то полагаетъ г. Смитъ. Онъ явный врагъ Прондзинскаго. Причину этой вражды Дембинскій самъ объясняетъ въ своемъ сочиненіи: « Походъ мой въ Литву». Во первыхъ, онъ полагалъ, что Прондзинскій препятствовалъ производству его въ генералы. Но это совершенно несправедливо: это препятствіе возникло единственно со стороны правленія. Затѣмъ, Дембинскій получилъ весьма строгій письменный выговоръ отъ Прондзинскаго, за помѣще-

этихъ событій, майоръ Марковскій, командовавшій подъ Остроленкою 5-мъ егерскимъ полкомъ.

ніе въ газетахъ подробной реляціи о сраженіи при Кюфлеви, вопреки только что отданному дневному приказу, воспрещавшему всѣмъ офицерамъ посылать сообщенія газетамъ. Наконецъ, Прондзинскій порицалъ канонаду, которую Дембинскій имѣлъ подъ Остроленкою съ превосходною числомъ артиллеріею Сакена и стоившую ему весьма дорого. Прондзинскій находилъ, что она понапрасну была поддерживаема съ такимъ упорствомъ. Дембинскій—человѣкъ пылаго характера и съ большимъ тщеславіемъ. Онъ не могъ простить всего этого Прондзинскому, и къ тому еще онъ съ давнихъ поръ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Скржинецкимъ. Дембинскій призналъ однако названную выше брошюру. Въ ней находится реляція этого военного совѣта, хотя по выше приведеннымъ причинамъ, она не могла быть полною. Все же, если сравнить внимательно его рассказъ съ рассказомъ Прондзинскаго, то противорѣчія не будетъ: Дембинскій говоритъ: «Генералы, казалось, рѣшились пожертвовать дивизіею Гелгуда; даже Прондзинскій объявилъ, что нѣтъ возможности вернуться се...» Вотъ въ чемъ дѣло: генераль Скржинецкій спросилъ Прондзинскаго, нѣтъ ли возможности пробраться Гелгуду въ Модлинъ, сдѣлавъ дальній обходъ вдоль прусской границы? Прондзинскій отвѣчалъ, что, послѣ нашего удавленія, это возможно только въ такомъ слу-

чаѣ, если фельдмаршалъ Дибичъ не воспрепятствуетъ этому движенію; а какъ это невозможно предполагать, то, дабы спасти Гелгуда, мы непремѣнно должны до прибытія его держаться на полѣ сраженія. Хотя Дембинскій и не опровергаетъ этого, однакожъ не говоритъ полную истину. Если г. Смитъ дѣйствительно желаетъ узнать сущую правду, то онъ можетъ вывести это обстоятельство на чистую воду, спросивъ двухъ живущихъ въ Варшавѣ участниковъ военнаго совѣта на Остроленкскомъ полѣ битвы, генераловъ Томаша Лубенскаго и Левинскаго. Они оба вручили Прондзинскому собственноручныя письменныя свидѣтельства. Свидѣтельство Лубенскаго ограничивается показаніемъ, что Прондзинскій утверждалъ вопреки общему мнѣнію, что непремѣнно нужно оставаться на позиціи и выждать прибытія Гелгуда. Свидѣтельство Левинскаго подробнѣе и совершенно сходно съ разсказомъ Прондзинскаго.

Въ разсказѣ Смита о происходившемъ въ Варшавѣ послѣ Остроленской битвы, въ томъ, что касается Прондзинскаго, находятся нѣкоторыя неувѣрности. Въ заключеніе г. Смитъ говоритъ: «чтобы не остановиться на полумѣрахъ, онъ долженъ былъ или предстать формальнымъ обвинителемъ Скржинецкаго, дабы лишить его званія главнокомандующаго, или вовсе молчать,

чтобы не низвергнуть совершенно колеблющееся довѣріе къ полководцу».

Прондзинскій никакъ не могъ молчать, не принявъ солидарности въ способѣ веденія войны. Онъ не рѣшился на это и считалъ долгомъ объявить правленію полную истину; конечно, нужно было имѣть много смѣлости, чтобы раскрыть ему глаза. Онъ исполнилъ только то, что, при занимаемой имъ обязанности, онъ считалъ святымъ долгомъ исполнить. Дѣло правленія было рѣшить, на сколько показанія Прондзинскаго заслуживали вниманія; во всякомъ случаѣ они должны были остаться тайною. Но Викентій Немоіевскій пригласилъ Прондзинскаго предстать формальнымъ обвинителемъ Скржинецкаго. Это требованіе можно было отклонить, потому что генерала Скржинецкаго можно было упрекнуть только въ неспособности; за это въ законахъ нѣтъ наказанія, а поэтому и не можетъ быть формальнаго обвиненія. Однако Прондзинскій объявилъ князю Чарторижскому, что, если представится необходимость, онъ всегда будетъ готовъ повторить свои объясненія. Прондзинскій былъ того мнѣнія, что Чарторижскій долженъ сѣсть въ карету и съ экстра-почтою отправиться въ Краковъ и, не теряя времени привезти Хлопицкаго для того, чтобы поручить ему главное начальство. Но правленіе не согласилось на это.

Между тѣмъ, показанія Прондзинскаго стали извѣстны всѣмъ, хотя отнюдь не по вниѣ его самого, а благодаря членамъ правленія, особенно Викентію Немоіевскому, полагавшему въ своемъ конституціонномъ заблужденіи, что ничто не должно быть скрыто отъ общаго свѣдѣнія. Вполнѣ справедливо, что вслѣдствіе этой исторіи, уваженіе къ генералу Скржинецкому весьма поколебалось и Прондзинскій лишился у него всякаго кредита. Но упрекъ г. Смита не можетъ касаться Прондзинскаго. Онъ относится къ правленію, которое должно было или смѣнить полководца, или молчать. Для перваго, конечно оно было безсильно.

Прондзинскій получилъ письмо отъ начальника главнаго штаба, генерала Лубенскаго, въ которомъ ему именемъ главнокомандующаго предписывалось быть членомъ комиссіи, или военнаго совѣта, долженствовавшаго разслѣдовать поступки полководца (*). Но какъ самъ главнокомандующій долженъ былъ присутствовать на этомъ совѣтѣ, то Прондзинскій предвидѣлъ, что трудно будетъ избѣжать непріятныхъ сценъ. Тутъ только онъ написалъ извѣстную статью, надѣлавшую столько шуму. До этого же дня онъ и не брался за перо. Отправившись съ помянутою статьею къ князю Чарторижскому и вручая ее ему, онъ

(*) Подлинныя слова.

сказалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ этотъ совѣтъ будетъ имѣть только дурныя послѣдствія; что съ своей стороны, онъ считаетъ обязанностью не отступать болѣе передъ Скржинецкимъ, но что онъ не желаетъ дать поводъ собранію къ ссорѣ съ его полководцемъ, изъ которой легко могутъ произойти словесныя изложенія. Во избѣжаніе сего, а также чтобы его объясненія не были искажены впослѣдствіи, онъ рѣшился воздержаться на этомъ собраніи отъ словесныхъ преній, и то, что онъ имѣлъ сообщить, изложилъ письменно, для чего пришелъ показать сперва эту статью князю. Чарторижскій прочелъ ее и ничего не возразилъ противъ нея.

Собраніе, подготовленное противникомъ Скржинецкаго, Бонавентурою Немоіевскимъ, намѣревалось низвергнуть его. Изслѣдованіе его дѣйствій служило только предлогомъ. Прондзинскій вовсе не былъ участникомъ всѣхъ этихъ козней. Онъ даже не былъ знакомъ ни съ Немоіевскимъ, ни съ Лелевелемъ, и во все время революціи и не говорилъ съ ними. Онъ ограничивался только тѣмъ, что составляло его обязанность — войною. Скржинецкій узналъ, что замышлялось противъ него, и рѣшился устранить опасность. Войдя въ собраніе, онъ приказалъ поставить свой стулъ подлѣ князя, такъ что собраніе имѣло двухъ

президентовъ. Присутствіе Скржинецкаго связывало его противниковъ, и онъ одержалъ надъ ними полную побѣду. Съ большимъ тактомъ онъ съумѣлъ превратить настоящую цѣль собранія въ военный совѣтъ, долженствовавшій рѣшить вопросъ, что предпринять противъ враговъ. О прошедшемъ даже было запрещено говорить. Прондзинскій положилъ свою статью на столъ президента. Ему было приказано взять ее обратно и не говорить ни слова о содержаніи ея. По окончаніи собранія, Прондзинскій былъ приглашенъ правленіемъ отдать ему эту статью, что и было исполнено имъ. Изъ правленія она попала во всѣ варшавскія газеты. Прондзинскій въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ протестовалъ (также въ газетахъ) противъ сего, называя этотъ поступокъ вопіющимъ злоупотребленіемъ печати. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, что бы вы ни дѣлали, трудно было не выказать слабой стороны. Здѣсь этому былъ разительный примѣръ. Еслибы Прондзинскій промолчалъ, сколько бы упрековъ посыпалось на него! Непреминули бы утверждать, что дѣло погибло, потому что онъ не имѣлъ смѣлости во время предупредить. Въ недостаткѣ смѣлости и добросовѣстности въ этомъ случаѣ нельзя упрекать Прондзинскаго, равно какъ и за дѣйствія его при штурмѣ Варшавы, хотя послѣднія и были такъ порицаемы. Нужно было

много смѣлости, чтобы противостать ослабленному правленію и показать ему голую истину. Требовалось много мужества еще разъ явиться передъ разгнѣваннымъ побѣдителемъ, и найти средства къ снисходительнымъ условіямъ за потерянное дѣло.

Уминскій въ маѣ мѣсяцѣ.

Инструкція, данная Уминскому при выступленіи польской главной арміи противъ гвардіи, есть та самая, которую онъ напечаталъ. Убѣдить главнокомандующаго подписать болѣе обстоятельную инструкцію, не было возможности; онъ не могъ постигнуть, хотя Прондзинскій и утверждалъ это, что фельдмаршалъ, вслѣдствіе движенія поляковъ, перейдетъ черезъ Бугъ. Поэтому Уминскому было предписано прежде всего прикрывать Варшаву и затѣмъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ, но съ большою осторожностью. Подобными фразами часто надѣются заранѣе отклонить отъ себя отвѣтственность. Прондзинскій же, съ самаго начала считавшій ошибочнымъ расположеніе Дзеконскаго за Вислою и Хржановскаго у Замосця, и имѣя въ виду соединить ихъ для наступательныхъ дѣйствій, вызвалъ Уминскаго въ главную квартиру въ Ендржевъ, дабы онъ могъ лично получить инструкціи, которыя обсуждались вмѣстѣ съ

нимъ, Прондзинскимъ и Скржинецкимъ. Прондзинскій настаивалъ , чтобы отрядъ Дзеконскаго, какъ только фельдмаршалъ покинетъ, вслѣдствіе движенія поляковъ, лагерь у Сухи, соединился бы чрезъ Потычъ съ Уминскимъ, который долженъ былъ овладѣть Седльце; затѣмъ, напасть на Крейца изъ Коцка и, соединившись съ Хржановскимъ, дѣйствовать противъ Ридигера. Скржинецкій былъ въ большой нерѣшительности. Наконецъ, казалось, онъ согласился, и полагалъ, что инструкція, только что данная Уминскому, если обстоятельства дозволятъ, не воспрепятствуетъ выполнить вышеприведенныя предположенія, если притомъ Уминскій сочтетъ возможнымъ исполнить сіе, не подвергая опасности Варшаву. Уминскій требовалъ, чтобы Дзеконскій и Хржановскій были подчинены ему, что было найдено основательнымъ. Прондзинскій въ тотъ же день заготовилъ приказанія этимъ генераламъ, подчинявшія ихъ въ случаѣ надобности Уминскому. Не помню хорошо, были ли эти приказанія тотчасъ отосланы изъ главнаго штаба, или же были вручены Уминскому, чтобы онъ воспользовался ими, когда встрѣтится въ нихъ надобность. Но я утверждаю совершенно положительно, что приказанія были заготовлены и что Уминскій зналъ объ этомъ. Главнокомандующій выѣхалъ изъ Енджева. Прондзинскій удержалъ еще Уминскаго

и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Онъ старался дать понять ему всю важность его назначенія, дающаго ему даже въ будущемъ надежду на званіе главнокомандующаго; во всякомъ же случаѣ, дѣлавшаго его начальникомъ на самостоятельномъ театрѣ войны. Онъ заклиналъ его не обращать вниманія на опасенія главнокомандующаго и не принимать свою инструкцію въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ она была составлена. «Вы призваны», сказалъ онъ ему наконецъ, «исправить ошибки которыя мы сдѣлаемъ вѣроятно по недостатку дѣятельности и рѣшимости». Уминскій общалъ все. Забылъ ли онъ этотъ разговоръ, или съ намѣреніемъ умолчалъ о немъ, должно остаться нерѣшеннымъ.

При этомъ нужно замѣтить, что рассказъ Уминскаго о письмѣ генераль-квартирмейстера, наполненнаго жалобами на главнокомандующаго, по поводу сраженія при Игане, письмо, будто побудившее его предпринять свое безсмысленное движеніе отъ Лива къ Соколову—есть чистая ложь. Подобнаго письма Прондзинскій никогда не писалъ. Еслибы Уминскій получилъ его, онъ не преминулъ бы напечатать его въ своемъ сочиненіи, вмѣстѣ съ другими мнѣе важными документами. Письмо Прондзинскаго, напечатанное Уминскимъ въ Парижѣ въ *Spectateur militaire*, было письмо къ

генер. Хлопицкому въ Краковъ, ни въ какомъ случаѣ не предназначавшіеся для опубликованія. Прондзинскій успѣлъ въ короткое время, проведенное у Хлопицкаго, снискать его уваженіе и дружбу — что было для него весьма лестно — и онъ долженъ былъ общать, доставлять ему свѣдѣнія о ходѣ войны. Какъ Уминскій добылъ это письмо, про то знаетъ одинъ Богъ. Нужно еще замѣтить здѣсь, что сочиненіе г. Смита было причиною вражды, которую возымѣлъ этотъ опасный человѣкъ (Уминскій) къ Прондзинскому, вражды, высказанной въ его «Размышленіяхъ». Искренними же друзьями, какъ утверждаетъ Уминскій, они никогда не были.

При паденіи Варшавы Уминскій зналъ заранее о переговорахъ съ фельдмаршаломъ. Онъ самъ условливался о свиданіи Прондзинскаго съ Паскевичемъ въ Волѣ, и когда Прондзинскій отправлялся на это свиданіе, онъ сказалъ ему, чтобы онъ не забылъ въ переговорахъ тѣхъ, которые, подобно ему, окомпрометированы болѣе другихъ.

Мендзиржець.

Въ доказательство, какое вліяніе имѣютъ иногда на войнѣ сами по себѣ маловажныя обстоятельства, я приведу слѣдующій примѣръ.

Въ ночь, послѣдовавшую за сраженіемъ при Крынки, Прондзинскій и Ромарино со своимъ

штабомъ и конвоемъ наѣхали на русскую пѣхоту, которая совершенно неожиданно и въ упоръ, дала по нимъ нѣсколько залповъ, что конечно произвело страшную сумятицу, и всѣ старались спастись бѣгствомъ, при чемъ лошадь Прондзинскаго упала, нѣсколько всадниковъ перескочили черезъ него и сильно ушибли его. При этомъ онъ потерялъ свою шляпу. Такъ какъ Прондзинскій имѣлъ очень большую голову, то не было возможности найти шляпы, которая пришла бы по его головѣ, и весь слѣдующій день — день сраженія при Мендзиржецѣ, онъ былъ на конѣ съ непокрытою головою. На другой день рано утромъ, онъ встрѣтился въ Мендзиржецѣ съ Ромарино, съ которымъ тотчасъ завязался весьма горячій разговоръ по поводу дѣйствій его наканунѣ. Прондзинскій заключилъ его словами: «Можно еще все поправить; нужно только сейчасъ выступить. Наши главные силы находятся у Рагозницы, поэтому они выиграли пространство и отдохнули; они будутъ слѣдовать по шоссе, непріятель же долженъ идти къ Бресту проселками». Затѣмъ Прондзинскій продиктовалъ полковнику Замойскому диспозицію къ немедленному маршу въ Бялу. Если бы ничто не удержало его, онъ самъ немедленно поскакалъ бы въ Рагозницу и приказалъ бы войскамъ выступить. Но онъ былъ такъ утомленъ, въ особенности вслѣдствіе паденія съ

лошади, что принужденъ былъ отдохнуть нѣсколько часовъ. Онъ хотѣлъ также воспользо- ваться этимъ временемъ, чтобы заказать себѣ въ Мендзиргецѣ фуражку. Какъ только такая была готова, около 3-хъ часовъ пополудни, Прондзинскій сѣлъ на лошадь и отправился въ Рагозницу, гдѣ къ величайшему изумленію, нашелъ еще войска въ лагерѣ. Розенъ воспользовался этимъ временемъ. Настигнуть его не было возможности.

Всѣ эти замѣчанія могутъ показаться мало- важными для исторіи; но они не маловажны для Прондзинскаго, потому что слухи, неточности и ошибки, всѣ вмѣстѣ взятые могутъ произвести свое дѣйствіе и набросить тѣнь на его личныя качества. Это было преднамѣренною цѣлью весьма многихъ, потому что духъ партій и политическая ненависть суть естественное слѣд- ствіе погибшаго дѣла.

Г. Смитъ ошибается, говоря, что Прондзинскій воспитывался въ Варшавѣ въ военной школѣ. Онъ получилъ только частное образованіе. 14-ти лѣтъ, онъ былъ уже на дѣйствительной службѣ въ 11-мъ пѣхотномъ полку, изъ кото- раго перешелъ во вновь сформированный корпусъ инженеровъ.
